

ПРОВЕДЕНИЕ РЕФОРМЫ 1861 Г. ПО ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В.Н. Усоский,

*доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой финансов и банковского дела
Белорусского государственного экономического университета*

Что приобрели и потеряли крестьяне в результате реформы 1861 г.

Многим современникам реформы 1861 г. громадный государственный долг и запутанность взаимных долговых отношений между госбюджетом, государственными казенными банками, вкладчиками банков, помещиками и крепостными крестьянами казались почти неразрешимой проблемой. П. Киселев 9 июля 1857 г. в секретной записке Александру II писал: «...так как наделение крестьян землей без компенсации помещиков невозможно, а последнее в финансовом отношении неосуществимо, то ... возбуждать вопрос о даровании полной свободы не следует» [1. С. 263–264]. «Накануне отмены крепостного права Ю.А. Гагемейстер предрекал «неминуемое государственное банкротство» России» [2. С. 8–9].

Какие потери должна была компенсировать помещикам крестьянская реформа 1861 г. по замыслам ее творцов? Что теряли помещики? Во-первых, они теряли феодальное право на дешевый труд крепостных крестьян, который обуславливался их личной несвободой и внеэкономической зависимостью от помещиков. Во-вторых, помещики утрачивали частнособственническое право на приусадебную и надельную землю крестьян, на которую крестьяне имели только право пользования, за что отбывали барщинные и оброчные повинности. Таким образом, цена выкупа крестьян включала две взаимосвязанные составляющие: во-первых, цену приусадебной и надельной земли, передаваемой помещиками крестьянам, и, во-вторых, выкуп личной свободы крестьян из внеэкономической зависимости.

Государство твердо придерживалось точкой зрения, что помещикам необходимо ком-

пенсировать сложившийся уровень феодальной ренты, источник которой лежал в барщинных и оброчных повинностях крепостных крестьян. Ю.А. Гагемейстер писал: «...нельзя отказать крестьянам в праве на личную свободу и потому необходимо приступить к делу... постановив крестьянам коренным правилом: 1) что доход, получаемый помещиком под покровительством действующих законов, есть неприкосновенная его собственность; 2) что источник дохода – крепостное право – подлежит отчуждению (expropriation) для общей пользы, но что за получаемый от него денежный доход помещик вправе требовать полного вознаграждения; 3) что вознаграждение это должно падать на тех, в чью пользу производится отчуждение, т. е. сперва на крестьян, а при недостаточности их – на целое государство» [2. С. 36].

Реформа 1861 г. стимулировала развитие капиталистических отношений, создавая условия для высвобождения феодальных факторов производства (крепостных крестьян, земли и средств производства) из системы сословной зависимости и статусных привилегий неподатного сословия дворян. В течение 40 последующих лет происходила сложная эволюционная трансформация феодальных факторов производства в капиталистические (товар-рабочую силу, землю-товар и капитал). Избранный путь реформ был отягощен системой противоречий, продуцируемых эгоистическими интересами помещиков, желавших сохранить свои сословные привилегии как можно в более полном виде на долгое время. Крепостнические пережитки стали причиной неоправданно высокой цены личного выкупа крестьян с земельным наделом на волю. Крестьяне несли на себе непо-

Проведение реформы 1861 г. по отмене крепостного права и ее последствия для экономики России

сильное бремя своего освобождения. «Выкупная сумма превышала реальную стоимость земли. По некоторым подсчетам, ценность земельных наделов в нечерноземных, черноземных и западных губерниях была определена в 867 млн руб., а продажная цена их (по ценам 1854–1858 гг.) составляла не более 544 млн руб. Следовательно, крестьянам приходилось выкупать не только землю, но и личную свободу» [3. С. 51].

Воспроизводство земли нуждалось в значительных инвестициях. Кредитование процесса покупки земли было крайне необходимо, поэтому государство должно было играть в этой кредитной операции ключевую роль. Наиболее экономически рациональным был признан вариант эмиссии государством процентных выкупных билетов, выпускаемых в форме долгосрочных облигаций. Процентные выкупные билеты выражали цену имущества (земли и недвижимости) и включали долги прежних владельцев, гарантированных государством, которые являлись правом требования на объекты собственности для покупателей облигаций, т. е. инвесторов в долговое имущество. Большую часть долгов вместе с капитализированными процентами (6%), приходящимися на ценность земли, были обязаны погашать крестьяне в течение 49 лет. Что касается передачи земли помещиков крестьянам, то здесь государство передавало землю не в частную собственность крестьян, а в собственность крестьянских общин, получивших права юридических лиц. Государство наделило общину теми функциями, которые при крепостном праве выполняли помещики, т. е. ответственность за платежи податей в госбюджет и несение всех иных крестьянских повинностей (в том числе и военной). В интересах помещиков была создана система выкупных платежей, представлявших собой ипотечные премии, которые крестьяне вносили в госбюджет за то, что правительство компенсировало помещикам утрату бесплатного труда крепостных и передачу крестьянам части земель. Государство выплачивало помещикам за крестьян деньгами и долговыми ценными бумагами 80% выкупной цены, если крестьяне получали высший надел, и 75%, если им предоставлялся надел менее высшего. Остальные 20–25% (так называемый дополнительный платеж) крестьяне уплачива-

ли непосредственно помещику – сразу или в рассрочку. Внесенные правительством за крестьян средства должны были быть возвращены в госбюджет в течение 49 лет. Остальные 20–25% выкупной цены, которая называлась дополнительным платежом, крестьяне должны были уплатить деньгами помещику напрямую или отработать в форме барщины.

После раздела земель у помещиков осталось около 2/3 земли, где большую часть составляли земли для выпаса скота и лесные угодья. Вся оставшаяся земля была поделена между крестьянами, причем ее размеры по площади приблизительно равнялись той площади земли, которой пользовались крестьяне до отмены крепостного права. Цену выкупа земли и личных повинностей крестьян государство определило в 6% годовых, которые должны были получать помещики на ценность участка земли, передаваемого в собственность общины. Затем крестьянин получал от общины бывшую землю помещика в пользование. Общинная земля подлежала периодическому переделу между крестьянами-общинниками.

Капитализация из 6% годовых на ценность участка земли была слишком высокой ценой выкупа крестьян на волю. Эта величина явно не соответствовала уровню доходности крестьянских наделов в течение 49 лет оплаты крестьянами земли через выкупные платежи. Сельское хозяйство – это специфическая отрасль экономики, которая по природе своей отличается непостоянной доходностью. Доход с земли динамично изменяется из года в год. На доходность земли влияет множество факторов: климат, плодородие земли, погодные условия, месторасположение земельных участков и состояние транспортных путей, конъюнктура рынков труда, капитала, товаров. Н.Х. Бунге очень хорошо показал неустойчивую доходность сельскохозяйственного производства, когда оценивал возможности установления налогов на землевладельцев [2. С. 258–259]. Однако, когда дело касалось установления уровня капитализации в 6% годовых для крестьян при выплате ими выкупных платежей, рациональную логику игнорировали и пользовались сословной логикой эгоистического интереса помещиков.

На уровень доходности земли влияет циклический характер развития капитали-

тической рыночной экономики. Это приводит к тому, что бывают периоды, когда состояние рынков является депрессивным, поэтому землевладелец несет убытки. Например, в 1873–1896 гг. все страны Европы затронула длительная депрессия. «...Кризис сельского хозяйства 80-х годов был вызван частично наплывом в Европу более дешевого, преимущественно американского хлеба. Цены на пшеницу, экспортируемую из России, понизились с 90 коп. за пуд в 1871–1875 гг. до 55,0 коп. в 1891–1895 гг. В результате еще больше росли недоимки по налогам, по ипотечному кредиту и т. д.» [3. С. 75–76].

Если сравнить динамику доходности земли с альтернативными вложениями денег в разнообразные финансовые инструменты денежного рынка, то становится очевидным, что 6% годовых на капитал при 49-летнем сроке выкупа земли и личной свободы превышают возможности крестьянских хозяйств. С середины XVIII в. и до середины XIX в. правительство регулировало банковские проценты по ссудам и вкладам. Введенный правительством (1754 г.) верхний процентный потолок (указный процент) казенных банков по ссудам составлял 6%, банковский процент по вкладам – 4–5%. Согласно манифесту «О вкладах и ссудах в банковских установлениях» от 1830 г., выдавались ссуды на 37 лет (с уплатой ежегодно 5% плюс 1% погашения плюс 1,5% единовременного взноса) [1. С. 170].

Государственный банк России устанавливал учетный процент на 3, 6, 9 и 12 месяцев для векселей, что является аналогом ставки рефинансирования. В течение 1893–1914 гг. учетный процент для векселей на 12 месяцев колебался в диапазоне от 5 ... до 10% в зависимости от стадии экономического цикла [4. С. 260]. Уровень ссудного процента банковских кредитов был на 1/5–2/5 выше учетного процента Государственного банка. В периоды спадов экономической активности показательным фактом является падение цен на ценные бумаги фирм, банков и правительства. Например, в 1858–1865 гг. наблюдалась тенденция к падению средних цен на государственные процентные бумаги: 5-процентные (без металлического обеспечения) государственные бумаги упали с уровня 112–114 до 86–89, а 4-про-

центные (без металлического обеспечения) – с уровня 99 до 84 [2. С. 122].

Накопленная за 105 лет ссудная задолженность дворян перед казенными банками усложняла выкуп крестьян на волю и увеличивала размер выкупных платежей. Это укрепляло тенденцию к сохранению пережитков крепостнических отношений в сельском хозяйстве, привязывая крестьян к некапиталистическим условиям хозяйствования. Авторы реформы 1861 г. положили в ее основу принцип, состоящий в том, что при уплате выкупных платежей невозвратные кредиты помещиков перед казенными банками включаются в выкупные платежи. «Предварительные расчеты показывали, что при проведении выкупной операции правительству потребуется уплатить помещикам (авансируя крестьян) 758 млн руб., в то время как задолженность помещиков составляла 425 млн руб. Таким образом, зачет долгов должен был больше чем наполовину (56%) сократить потребность в наличных деньгах или специальных денежных бумагах для выплаты помещикам. Фактически же, по официальным данным, банковский долг достигал по 37 внутренним губерниям 50% выкупной суммы. Так, из анализа 35 798 утвержденных выкупных сделок видно, что в среднем душевой надел по выкупу равнялся 104 р. 46 к., из которых причиталось к выплате 53 р. 56 к., а 50 р. 90 к. шло на погашение банковского долга» [1. С. 270]. В итоге проведения выкупной операции большая часть долгов помещиков по ссудам, полученным ими ранее в дореформенных казенных банках, была передана при их ликвидации Государственному банку. Долги помещиков перевели по выкупной операции на крестьян. «Как свидетельствуют официальные данные, из 425 млн руб. помещичьих долгов на крестьян было переложено 315 млн руб. (остальная часть была погашена помещиками)» [5. С. 273].

Завышенная выкупная нагрузка легла тяжелым бременем на крестьянские хозяйства. Несмотря на жесткость механизмов сбора выкупных платежей, которые велись через общины, недоимки по ним росли. По этой причине «в 1881 г. правительство уменьшило на четверть сумму, причитающуюся ему по условиям Положения от 19 февраля, но этой меры

оказалось не достаточно. В 1907 г., склоняясь перед неизбежным, оно вообще отменило выкупные платежи и аннулировало недоимки. Но нанесенного ущерба было уже не поправить» [6. С. 219]. Крестьянам был нанесен непоправимый ущерб. Всего же «из бывших помещичьих крестьян царское правительство выкололо с 1862 по 1906 г. свыше 1,6 млрд руб. и «потеряло» в результате первой русской революции 500 млн руб.», которые крестьяне должны были выплатить в период с 1907 по 1956 г. [7. С. 24–25]. Поскольку крестьяне в массе своей были не богаты, перенос на них основных тягот возврата помещичьих долгов явился социально несправедливой и экономически неэффективной мерой. Вместе с бременем прямых и косвенных налогов при растущем аграрном перенаселении большое число крестьянских хозяйств приходило в упадок. Производительные силы страны истощались, их рост тормозился. Р. Пайпс даже считает, что «после 1861 г. экономическое состояние русского крестьянина сильно ухудшилось, и в 1900 г. он в целом был беднее, чем в 1800 г.» [6. С. 218].

Проблема состояла, с одной стороны, в том, что передать крестьянам землю безвозмездно значило нарушить право частной собственности дворян на землю, что исключалось сложившейся системой взаимоотношений общественно-политических сил феодалов сословий, права и законодательства. С другой стороны, и при безвозмездной передаче дворянами земли крестьянам проблема оплаты долгов новыми собственниками-крестьянами не снималась. Даже если бы по формальным признакам земля переходила к крестьянам «бесплатно», земля дворян была все равно обременена ссудной задолженностью. Если бы реально в 60-х годах существовала возможность рыночной альтернативы, когда крестьяне могли выкупить землю у помещиков, то обе стороны рыночной сделки должны были бы найти приемлемый уровень цены ее выкупа. Однако уровень продажных цен на землю определяется сложившимся общественно-политическим балансом сил в обществе. В отличие от принятого реформой 1861 г. порядка альтернативный вариант поиска уровня оптимальных рыночных цен должен был быть осуществлен на рыночной основе путем дисконтирования цены земельных

участков, куда включались долги дворян банкам. Уровень дисконта на цену земли был бы тем выше, чем на большую сумму расходы помещиков превышали бы их доходы и чем жестче были бы требования банков по взысканию долгов с неэффективно хозяйствующих помещиков. В рыночных условиях уровень цен на землю был бы значительно ниже, а условия ее покупки богатыми крестьянами и буржуазией были бы благоприятнее. Однако подобный сценарий развития событий не устраивал помещиков-аутсайдеров. По этой причине изобрели выкупную операцию, которая позволила с помощью долгосрочной кредитной операции, проводимой государством в течение 49 лет, внеэкономическими мерами уберечь дворянство от ударов рынка. Напоследок помещики были награждены государством 6-процентной капитализацией своего рентного дохода. Это позволило поддерживать уровень цен на землю от понижения на довольно высоком уровне и за счет роста экономики стимулировать рост цен на землю в долгосрочной перспективе.

Как показал опыт выкупа крестьян на свободу, российское общество больше потеряло от выкупной операции, чем приобрело. Цена выкупа крестьян за свободу оказалась слишком велика, а деньги, которые крестьяне платили за свое освобождение, неэффективно потрачены сословной группой дворян-экономических аутсайдеров. Эта часть дворянского сословия показала себя в значительной мере потребительским, а не производительным сословием. Дворяне-аутсайдеры сдавали землю в аренду крестьянам, продавали пашенную землю, стараясь оставить за собой арендуемые крестьянами леса и землю для выпаса скота. Поэтому «в 1916 г. хозяйства «крестьянского типа» владели в пределах Европейской России 89,3% пахотной земли и приблизительно 94% скота. Это означает, что накануне революции Россия была страной, в которой преобладали мелкие сельские хозяйства» [8. С. 223].

Что приобрели помещики в результате реформы 1861 г.

По своему социально-экономическому статусу и имущественному положению дво-

рянство в российском обществе представляло собой неоднородное сословие. Внеэкономические принципы пожалования царем земли и крепостных крестьян дворянству четко разделило его на богатых лидеров и аутсайдеров, между которыми стояла «китайская стена». Новые рыночные условия хозяйствования существенно повлияли на имущественное положение помещиков и крестьян. Ленин отмечал, что крестьянство в результате реформы 1861 г. «раскрестьянилось». Объективные тенденции становления капитализма также вели к значительной имущественной дифференциации дворянства, углубившейся после проведения реформы 1861 г. Худородное мелкое дворянство интенсивно «раздворянивалось», пополняя ряды военных, чиновников и интеллигенции. Эффективность использования факторов производства помещиками-аутсайдерами была невысокой. Получение ими от государства «подарка» в форме рентного дохода в 6% годовых, выплачиваемых крестьянами, не спасло их от разорения. Эти деньги стали чистым вычетом из крестьянского дохода, что вело к неэффективному использованию ресурсов, так как аутсайдеры не могли закрепиться в сельскохозяйственной отрасли. Они продавали землю и имущество, уходя с аграрного рынка.

Олигархическая структура земельной собственности и старая практика фаворитизма предоставляли широкие возможности крупнейшим землевладельцам пользоваться субсидиарной поддержкой в форме «неуставных ссуд» Государственного банка. Это ограничивало воздействие рыночной конкуренции на результаты хозяйствования крупнейших землевладельцев, ставя их в привилегированное положение по сравнению с другими агентами рынка. Проведенное недавно Л.П. Минарик и А.М. Анфимовым изучение документальных материалов показало, что «в 1905 г. у полтораста крупнейших латифундистов было сосредоточено до 30% всего дворянского землевладения, которое в целом за 45 пореформенных лет уменьшилось на 34%. Эта огромная концентрация земельной собственности почти целиком образовалась еще в конце XVIII – первой половине XIX в., причем в значительной мере (до двух пятых) посредством покупок имений других помещиков предками латифундистов. Эти крупнейшие

должники «казенных» банков должны были израсходовать на приобретение населенных имений по ценам, сложившимся во второй четверти XIX в., сумму, достигавшую накануне реформы 1861 г. половины задолженности банкам» [9. С. 493]. Дворянство за 45 лет понесло значительные потери (около трети земельных угодий), однако оставшиеся крупные землевладельцы составили ведущую группу помещиков-лидеров, которые вели свое хозяйство рационально и эффективно. Большая часть дворян, используя свои рыночные и нерыночные преимущества, эффективно интегрировалась в капитализм, трансформировав свои крепостнические хозяйства в высокотоварные капиталистические структуры. Основой товарного сельскохозяйственного производства пореформенной России стали помещичьи и «крепкие» крестьянские (кулацкие) хозяйства, продававшие большую часть продукции на рынок.

Выкупная операция позволила помещикам освободиться от своих долгов казенным банкам. Им удалось зачесть 316 млн руб. из их совокупной задолженности, составлявшей 425 млн руб. Кроме того, они получили государственными ценными бумагами и частично деньгами до 586 млн руб. (902 млн руб. – 316 млн руб.). Очистив имения от старых долгов, помещики стали брать новые кредиты под залог своих имений. До 1881 г. они получили в новых банках 476 млн руб. [7. С. 25]. Несколько десятилетий после реформы 1861 г. они не несли бремени прямого налогообложения.

Последствия проведения реформы 1861 г.

Экономическая реформа, формирующая рыночную экономику, будет успешной при выполнении следующих условий. Во-первых, производительные классы общества, приобретающие новые права и обязанности в рыночной экономике, при трансформации их социально-экономического статуса должны повышать эффективность своей деятельности, увеличивая доходы. Во-вторых, должен быть сформирован механизм, делающий экономическую реформу «безоткатной назад в прошлое». Это значит, что между производительными классами общества возникает согласуемый на договорной основе баланс

социально-экономических интересов. Реформа 1861 г. ввиду крайней незрелости крестьянского сословия и буржуазных элементов в стране проводилась абсолютной монархией при жестком приоритете эгоистических интересов дворянского сословия. В пореформенное время продолжал действовать принцип абсолютной монархии XVI–XVIII вв., которую Монтескье выразил в четкой формуле: «Нет монарха, нет и дворянства; нет дворянства, нет и монарха» (цит. по [10. С. 542]). Трагедия России заключалась в том, что на момент проведения капиталистических преобразований к середине XIX в. их были вынуждены делать дворянско-монархические институты, которые исключали баланс социально-экономических интересов крестьянства и дворянства в российском обществе. Поэтому экономическая реформа была непоследовательной и половинчатой, тянула за собой шлейф феодально-крепостнических пережитков и протекала длительное время, вызывая нарастающее неприятие и озлобление крестьян и буржуазии, которые не получали от нее ожидаемых результатов. Неподатные сословия (дворяне и духовенство), цепляясь за сохранение своих привилегий, объективно не могли создать необходимых и достаточных условий для формирования нового статуса, прав и обязанностей людей из прежних податных сословий (крестьян, купцов и мещан), что трансформировало бы их в полноценных граждан страны. Граждане буржуазного общества отличаются от податных и неподатных сословий феодализма тем, что они обладают едиными правами и обязанностями перед универсальными правилами, регулируемыми социально-экономическую и политическую сферы.

Однако, несмотря на все внутренние противоречия проведения экономической реформы 1861 г., она заложила основы современных систем производства, сбыта, банковской и финансово-бюджетной систем, обслуживавших капиталистический уклад экономики России. Создание двухуровневой банковской системы вело к ликвидации монополии дворянства и крепостнического государства на формирование сбережений, которые они использовали для получения льготных кредитов, преследуя собственные

эгоистические интересы в ущерб интересам податных сословий. Образование современной финансово-бюджетной системы вело к ликвидации монополии неподатных сословий, не плативших прямых налогов и не участвовавших в содержании госбюджета. Формирование современных банковской и финансово-бюджетной систем, перестройка системы воспроизводства ВВП на рыночных принципах создавала условия для экономического роста. Однако на его пути стояла долговая проблема, в жестких тисках которой функционировала экономика России. Политически было невозможно классово сбалансированно разрешить проблемы платежей по накопившимся частным и государственным внутренним и внешним долгам, оплаты крестьянами земли и личной свободы, равномерно разложить текущие платежи прямых налогов между дворянством и крестьянством для содержания госбюджета. Поэтому банковская и финансово-бюджетная системы наряду с выполнением общесистемных функций все же действовали в режиме поддержки бывших неподатных сословий, что объективно ограничивало конкурентную среду в экономике. Тем не менее, несмотря на противоречия в развитии общества на конкурентных рыночных началах, Россия динамично двигалась в направлении формирования капиталистической рыночной экономики.

Трансформация банковской системы и регулирование денежного рынка

Необходимость сбалансирования денежного обращения стала исходным условием проведения экономической реформы. Правительственная система мер, направленная на оздоровление денежного обращения, была противоречивой и вызывала циклические колебания денежного рынка. Крымская война привела к росту необеспеченной денежной массы, с помощью которой правительство финансировало войну. Во время Крымской войны государство прекратило обмен кредитных денег на серебро, что привело к росту денежной массы в обращении. «Если к началу 1853 г. в обращении было кредитных билетов на 333 млн руб. (покрытых на 39,4%), то к началу 1858 г. – 735 млн руб. (16,4% покрытия)» [1. С. 276]. В конце 1858 г. пра-

вительство было вынуждено прекратить размен кредитных билетов на серебро. До 1895 г. денежно-кредитная система Империи работала при неразменных кредитных деньгах. Расстроенное денежное обращение негативно влияло на функционирование экономики, так как она развивалась в условиях постоянно колеблющегося *вексельного курса* (согласно современной терминологии обменного курса рубля). На курс оказывали влияние величина разменного фонда, состояние торгового баланса и госбюджета страны, размер непокрытой эмиссии денег в обращении, конъюнктура мирового и внутреннего рынков.

В 1853–1856 гг. значительно увеличились размеры вкладов в казенных банках, не находившие применения в сфере инвестиций. «Чрезвычайное накопление вкладов в банках обнаружилось в высшей степени за два перед сим (1857) года, когда сумма капиталов, не розданных в ссуды, составила огромную цифру – свыше 180 млн руб. сер.» (цит. по [1. С. 276]). В 1855–1857 гг. в экономике начался циклический подъем, сопровождавшийся грюндерской горячкой и спекулятивным ажиотажем. Правительство снизило процентную ставку, увеличило сроки кредитования, стимулируя рост сбережений и банки к выдаче кредитов сельскому хозяйству, промышленности, торговле, железнодорожному делу. «В 1857 г. процентная ставка по вкладам была снижена до 3%, а по казенным вкладам – до 1,5%, по одновременно были удешевлены ссуды (до 4%) и чуть удлинены сроки ссуд под населенные поместья (вместо 26 и 37 – до 28 и 39 лет). Вскоре снижение процентных ставок было распространено на городские общественные банки (за исключением Архангельского)» [1. С. 276]. Однако снижение процентных ставок вызвало обратный эффект, на который не рассчитывало правительство. Вкладчики казенных банков начали изымать свои вклады, что привело к необходимости ликвидации этих банков и потребовало неотложного создания двухуровневой банковской системы. Процесс изъятия вкладов продолжался до 1866 г. и носил катастрофический характер. Например, если на 1 января 1858 г. в казенной банковской системе находилось вкладов на 1009 млн руб., то на 1 января 1866 г. в новой двухуровневой банковской

системе вкладов осталось всего на 211 млн руб. [2. С. 119]. Стремительная динамика изъятия вкладов свидетельствует о несостоятельности системы казенных банков. За 1858 г. сумма вкладов уменьшилась на 42 млн руб., за 1859 г. – на 115, за 1860 г. – на 409, за 1861 г. – на 103, за 1862 г. – на 42, за 1863 г. – на 33, за 1864 г. – на 26, за 1865 г. – на 28 млн руб. [2. С. 119]. Пик «набега» вкладчиков на банковскую систему пришелся именно на переходный период, когда система казенных банков оказалась несостоятельной, а двухуровневая банковская система в 1858–1863 гг. находилась в стадии формирования.

16 апреля 1859 г. была запрещена выдача кредитов под населенные имения. В 1860 г. ликвидированы Коммерческий банк, Государственный заемный банк, сохранные казны и приказы общественного призрения. В том же году вместо них был создан Государственный банк, куда перевели активы и пассивы ликвидированных казенных банков. С этого момента начался отсчет создания двухуровневой банковской системы. Была разрешена регистрация частных банков. Государственный банк превратился в центр по проведению расчетов по долгам упраздненных кредитных организаций. В России в течение более столетия сформировался специфический порядок эмиссии денег в обращение, где право на эмиссию давало казначейство правительства. Государственный банк был наделен правительством функциями центрального банка и стал по существу департаментом Министерства финансов. Государственный банк России соединял в себе функции коммерческого банка и Центрального эмиссионного банка, конкурируя с коммерческими банками на денежном рынке, одновременно выдавая им лицензии на банковскую деятельность.

В 1859 г. в России начался спад в промышленности, сопровождавшийся падением цен и биржевым кризисом, который был отмечен множеством банкротств. Возник дефицит денег на рынке, выросла их цена (учетный банковский процент), отток вкладов стимулировал рост дефицита денег. Часто употребляемый в то время термин «безденежье» означал превышение спроса на деньги над денежным предложением наряду с пре-

вышением предложения недвижимости над спросом на нее. В условиях дефицита денег банковская система страны оказалась под серьезной угрозой. Значительные по размеру активы банков были заморожены в неликвидных ссудах, выданных помещикам, а также во вкладах, изъятых правительством из казенных банков для финансирования Крымской войны. Рост спроса на деньги вкладчиков при их дефиците создал значительный дисбаланс между активами и пассивами банков.

Правительство приступило к срочному сбалансированию денежного рынка и ограничению ажиотажного спроса на деньги. Был выпущен государственный 4-процентный заем «Государственные непрерывные доходные билеты», подписка на который шла, однако, вяло. «На 1 января 1860 г. было продано билетов только на 23 млн руб. Пришлось прибегнуть к выпуску внешнего займа. Выпущенный в крайне неблагоприятных условиях (Франко-итальянская война 1859 г., мировой промышленный кризис), он дал всего 39 млн руб. Этого не хватало даже на покрытие спроса вкладчиков. Правительство вынуждено было дополнительно выпустить кредитных билетов на 33 млн руб.» [1. С. 278]. В 1858 г. ужесточили кредитную рестрикцию, ограничивавшую кредиты под недвижимость, приостановили регистрацию новых акционерных обществ, росших как грибы. Чтобы представить себе размеры грюндерской горячки в России, приведем следующие статистические данные. «Если капитал всех акционерных обществ, возникших в России с 1799 по 1855 г., составлял 27 млн руб., то в 1856 г. капиталы акционерных обществ выросли на 10 млн руб., в 1857 г. – на 7,5 млн руб., в 1858 г. – на 28 млн руб.» [2. С. 277].

1 сентября 1859 г. было выпущено «Положение о государственных пятипроцентных банковских билетах и о вкладах в государственные банковские установления», по которому вкладчики казенных банков могли обменять свои 3-процентные вклады на 5-процентные срочные банковские билеты. Если вкладчик не желал совершать обмен, он имел право требовать их возвращения в любое время, однако при этом банки снижали ему процент по вкладу до 2. Очередное снижение

процентных ставок вызвало «набег» вкладчиков на банки. «Правда, реализация нового пятипроцентного займа дала лучшие результаты, чем выпуск непрерывного четырехпроцентного займа. До 1 января 1861 г. облигаций нового займа было продано на 265 млн руб. Все же правительству пришлось изыскивать новые средства для расплаты с вкладчиками и покрытия бюджетного дефицита. Были заключены новые внешние займы; кроме того, оказалось необходимым допустить дальнейшую эмиссию кредитных билетов почти на 100 млн руб.» [1. С. 280].

Государственный банк столкнулся со сложнейшими проблемами управления активами и пассивами баланса. «Большая часть (59%) переданных Государственному банку пассивов ликвидированных банков состояла из вкладов, подлежащих возврату преимущественно по востребованию. В активе же находились исключительно долгосрочные ссуды. Дело осложнялось еще и тем, что значительная часть долгов по ссудам была переведена по выкупной операции на крестьян, а сроки погашения этих долгов не совпадали со сроками погашения банковских билетов. Поэтому поступавших платежей не хватало для выданных по пассивным счетам. Явилась необходимость осуществить крупные затраты на ликвидацию этих долгов из средств Государственного банка. В отдельные годы эти затраты составляли громадные суммы. Так, к началу 1864 г. затраты банка по ликвидации долгов старых кредитных установлений составили 165 млн руб.; только в 1886 г. долг казны по ликвидации был совершенно погашен» [1. С. 280–281]. В случае просрочки крестьянами выкупных платежей им начислялись штрафы, что увеличивало их основную сумму долга. Чем длиннее был срок просрочки, тем более высокие штрафные проценты начислялись крестьянам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «с 1862 г. по 1901 г., за 40 лет, бывшие помещичьи крестьяне уплатили выкупных платежей 1416 млн руб., но из своего «долга» в 897 млн руб. погасили всего лишь 274 млн руб. Так как им «всемилоштивейше» сложили около 210 млн руб. долгов, то за ними числится «только 413 млн руб. непогашенной и рассроченной задолженности» [7. С. 24].

Трансформация финансово-бюджетной системы

Финансово-бюджетная система России до начала ее реформирования в 1862 г. являлась единым централизованным организмом. Каждое ведомство имело обособленные от других ведомств налоговые источники доходов, из которых финансировало свои автономные расходы. Отчетность была крайне несовершенна, а контроль практически отсутствовал. Систему государственных финансов, распадавшихся на автономные бюджеты ведомств, начали преобразовывать в единую централизованную систему поступления и расходования средств. В 1862 г. создана единая система прозрачной статистики госбюджета, и он впервые начал публиковаться в открытой печати. Реформа финансово-бюджетной системы была до крайности сложной и проводилась длительное время, так как была связана с постепенным введением принципа единства ставок налогов на всех граждан в зависимости от рода их хозяйственной деятельности. Она ставила целью ликвидацию феодального принципа необремененности неподатных сословий налоговыми платежами в госбюджет.

Рыночная экономика требует рационального распределения прямых налогов для платежеспособных категорий налогоплательщиков. Провести этот принцип в жизнь, когда из своего дохода богатые платят больше пропорционально своему доходу, а бедные платят меньше, было чрезвычайно трудно из-за ожесточенного сопротивления дворянства. Только в последней четверти XIX в. наметились конкретные сдвиги в этом направлении. В 1875 г. введен поземельный налог, который был распространен и на крестьян, в 1882 г. – налог на имущество, переходящее безвозмездно (наследство и дарения), в 1885 г. – налог с торговых и промышленных предприятий и 5-процентный налог на денежные капиталы. «Из всей массы прямых налогов, включая не проходившие тогда по доходной части бюджета выкупные платежи, падало в 1866 г. на крестьян 89%, а к 1881 г. с удвоением прямых налогов 80%. Введенное к тому времени прямое обложение помещиков составляло всего 4%; буржуазия с городских недвижимостей платила 3%, остальные 13% прямых налогов

составлял переложимый промысловый налог» [7. С. 34–35]. Министрам финансов Н.Х. Бунге (1882–1886 гг.), И.А. Вышнеградскому (1888–1892 гг.) и С.Ю. Витте (1892–1903 гг.) удалось переложить бремя прямых налогов на все классы населения. В 1867 г. прямые налоги, лишённые сословного характера (т. е. падавшие не на одних крестьян, а на все классы), приносили только 22,2 млн руб. (23,7%) из 93,5 млн руб., а в 1897 г. – 97,7 млн руб. (96,4%) из 101,4 млн руб. [11. С. 199]. После длительного времени существования дефицита госбюджета министру финансов И.А. Вышнеградскому удалось уравновесить расходы с доходами. Профицит бюджета в 1888 г. составил 53,3 млн руб., в 1889 г. – 65,5, в 1890 г. – 60,6, в 1891 г. – 13,8 млн руб. [11. С. 194].

Финансовая система императорской России, где финансово-бюджетной системе была подчинена денежно-кредитная система, несла значительную нагрузку в реформировании экономики, так как правительство выступало гарантом возврата внешних и внутренних долгов. Фондовый рынок государственных облигаций внутренних и внешних займов России был очень емким. Реформирование экономики России шло в значительной части за счет наращивания государственного долга. «С 1759 милл. р. в 1858 г. государственный долг к 1880 г. увеличился до 4698,5 милл. р., из которых 2472,8 милл. р. были употреблены на военные расходы и покрытие дефицитов, 488,8 милл. р. на отверждение текущего долга, 796,8 на железнодорожные цели и 496,1 милл. р. на выкупную операцию» [11. С. 192]. На 1 января 1886 г. государственный долг составлял 5250 млн руб. [11. С. 209], а на 1 января 1898 г. – 6341,9 млн руб. [11. С. 210].

В наличии растущего государственного долга не было ничего предосудительного. Если экономика динамично развивается, то она нормально обслуживает свой долг. Все страны мира жили в долг. В 1897 г. размер российского государственного долга, исчисленного в фунтах стерлингов (ф. ст.), составлял 670,4 млн ф. ст. Россия занимала второе место в мире после Франции (1224 млн ф. ст.). На третьем месте находилась Англия (1897 г.) – 644,9 млн ф. ст., затем в порядке очередности шли Германия (1895 г.) – 609,8, Австро-Венгрия (1895 г.) – 606,4, Италия (1896 г.) –

509,3, Испания (1897 г.) – 283, США (1897 г.) – 198,6 млн ф. ст. [11. С. 209].

Состояние торгового баланса и денежная реформа

Российское правительство проводило политику протекционизма, защищая отечественного производителя от иностранной конкуренции. Стимулировался экспорт, чему способствовала девальвация рубля. В экономике росли доходы и емкость внутреннего рынка. «За 20 лет – со второй половины 50-х по вторую половину 70-х годов – экспорт зерна (пшеницы, ржи, овса и ячменя) поднялся более чем в три с половиной раза (с 69 млн до 257 млн пудов). Вывоз льна возрос в 2,5 раза. Роль внешнего рынка для зернового хозяйства России росла. В мировом экспорте хлебов Россия занимала первое место. Накануне отмены крепостного права вывоз хлеба составлял около 5% чистого сбора (т. е. сбора с вычетом семян). К концу 70-х годов он достиг уже примерно 15–17%» [12. С. 125]. Статистика последней четверти XIX в. показывает высокую динамику экспорта: «За 20 лет экспорт хлеба возрос примерно в полтора раза – с 287 млн пудов в среднем в год в 1876–1880 гг. до 444 млн пудов в среднем в год в 1896–1900 гг. При этом почти все увеличение вывоза приходилось на 80-е годы, в 90-х годах рост экспорта хлеба приостановился» [12. С. 298]. Динамика зернового экспорта перед первой мировой войной была впечатляющая: «Заграничный сбыт, например, главных хлебов достиг в 1913 г. 647,8 млн пудов против 548,4 млн пудов в 1912 г.» [13. С. 59].

Важным показателем эффективности использования ресурсов в сельском хозяйстве является *товарность производства*, которая выражается в производимом излишке, выносимом на продажу на рынок. Из совокупного продукта вычитается натуральный продукт, потребляемый внутри товарного хозяйства, и оставшиеся товарные ресурсы продаются производителем на рынке. Товарность сельского хозяйства в России значительно росла: «Пшеницы вывозилось в 90-х годах около 2/5 чистого сбора, ячменя – около трети. Роль внешнего рынка для сельского хозяйства России росла» [12. С. 298]. Экономическая политика правительства была нацелена на создание устойчивого положи-

тельного сальдо торгового баланса. Для этого стимулировался экспорт зерна через изменение уровня железнодорожных тарифов, ужесточалось взыскание недоимок и податей с крестьян, что вынуждало их продавать хлебные запасы. Кроме того, ограничивался импорт. Совокупность этих факторов вместе с урожайными годами привела к тому, что в торговом балансе страны экспорт устойчиво превышал импорт. «Торговый баланс в нашу пользу, равнявшийся в 1882–86 гг. в среднем 65,9 милл. р. ежегодно, в пятилетие управления Вышнеградского составлял: в 1887 г. – 224,1 милл. р., в 1888 г. – 393,3 милл. р., в 1889 г. – 313,7 милл. р., в 1890 г. – 273,3 милл. р., в 1891 г. – 327,4 милл. р.» [11. С. 195]. Динамика положительного сальдо торгового баланса наблюдалась и в предвоенные годы: в 1909 г. – 521 млн руб., 1910 г. – 365, 1911 г. – 430, 1912 г. – 347, 1913 г. – 146 млн руб. [14. С. 5].

Однако за прекрасными финансовыми показателями скрывалась серьезнейшая проблема. Платежеспособность и финансовая устойчивость крестьянских хозяйств из-за высоких налогов была низкой. Неурожайный 1891 г. потребовал от правительства потратить 161 млн руб. на продовольствие для голодающих крестьян. Правительство прибегло к экстренной кредитной эмиссии на сумму в 150 млн руб. [11. С. 195]. Вывоз хлеба за границу был запрещен. Попытка прибегнуть к внешнему 3-процентному золотому займу не имела успеха. Затраты на продовольствие были профинансированы всеми ранее накопленными денежными средствами казначейства и Государственного банка, значительно выросли недоимки по доходам в бюджет. Экономика сельского хозяйства страны, несмотря на очевидные успехи, достигнутые благодаря проведению реформы, находилась в тяжелом положении.

К началу 90-х годов XIX в. динамичное развитие экономики и устойчивое положительное сальдо торгового баланса позволили «правительству накопить значительные запасы золота (к 1 января 1881 г. золотой фонд составлял 291,1 млн руб., к 15 декабря 1894 г. – 649,5 млн руб.) [11. С. 196]. Были созданы необходимые условия для проведения денежной реформы, позволившей ввести в обращение обеспеченный золотом кредитный рубль.

В 1895 г. министр финансов С.Ю. Витте провел денежную реформу, в результате которой был введен в денежный оборот разменный золотой рубль по курсу 1 золотой руб. = 1 руб. 50 коп. кредитными билетами (1896 г.). Государственный банк производил денежный обмен по фиксированному курсу, который он не прекращал даже во время первой русской революции. Об устойчивости рубля и низком уровне инфляции свидетельствует, например, то, что банки выдавали долгосрочные ипотечные кредиты на 55 1/2 года под 6,5% годовых. Только с началом первой мировой войны вместе со всеми воюющими странами Россия прекратила обмен кредитных билетов на золото.

Привлечение иностранного капитала

При недостатке национального капитала государство привлекало иностранный капитал сначала преимущественно в форме иностранных займов для финансирования дефицита госбюджета. Затем в экономику России пошли прямые иностранные инвестиции, особенно интенсивно в первые 20 пореформенных лет. В эти годы экономика в большей степени зависела от привлечения иностранного капитала, чем в последующий период, когда начал динамично расти внутренний денежный рынок [7. С. 51]. «За 20 лет – с 1861 по 1880 г. – все вложения в ценные бумаги составили 4,5 млрд руб., из них около 2,5 млрд руб. внутренние и 2 млрд руб. заграничные. При этом из 2,5 млрд руб. 1,8 млрд руб. составляли непроизводительные вложения, свыше 427 млн – выкупная операция, 476 млн руб. – ипотечные долги помещиков – итого приблизительно 900 млн руб. и еще 900 млн руб. прирост государственных займов главным образом в связи с русско-турецкой войной. Только 725 млн руб. вложений можно отнести к производительным, из них акционерные предприятия – 215 млн руб., железные дороги – 108 млн руб. и около 400 млн руб. – ссуды под городские недвижимости. Из 2 млрд руб. прироста заграничной задолженности почти 1600 млн руб. падает на железнодорожные займы, около 100 млн руб. – на акционерные предприятия и лишь немногим более 300 млн руб. – на непроизводительные займы. Таким образом, при удельном весе вло-

жений русских капиталов в 53% (2,5 из 4,5 млрд руб.) их долю в производительных вложениях составляли только 28%, потому что в непроизводительных она достигала 85%, доля же иностранных капиталов в производительных вложениях достигала 72% (в том числе в главном для того времени железнодорожном строительстве занимала подавляющее место)» [7. С. 50]. Иностраный капитал принимал активное участие в кредитовании российских фирм, которые получали банковские и товарные кредиты от своих партнеров за рубежом.

Проблемы развития сельского хозяйства России и результаты проведения реформы 1861 г.

Экономическая реформа стимулировала развитие сельского хозяйства страны, натуральные показатели которого динамично росли. «Средний годовой сбор зерновых хлебов в Российской империи за 1864–1866 гг. составлял около 1900 млн пудов, а за пятилетие 1909–1913 гг. – 4870 млн пудов, т. е. увеличился больше чем в 2,7 раза» [15. С. 219]. Урожайность зерновых также росла. «Средний урожай зерновых во второй половине века был «сам»-4 с небольшим (в первой половине века – «сам»-3,5); в 90-х годах, после неурожайного 1891 года, урожайность в течение шести лет превышала «сам»-5 ... Если проследить за изменением средней урожайности (в «самах»), взяв периоды по восемь лет, то она была такой: в 1863–1870 гг. – 3,74; в 1879–1886 гг. – 4,03; в 1887–1894 гг. – 4,49, в 1895–1902 гг. – 4,90. Повышение урожайности объясняется перемещением сельского хозяйства из нечерноземной зоны на юг, в степь, где урожаи были выше, а кроме того, улучшением техники, введением новых севооборотов и т. д.» [3. С. 67]. Результаты реформ проявлялись в росте цен на землю сельскохозяйственного и несельскохозяйственного назначения. Рост цен на пахотную землю свидетельствовал о росте продуктивности сельскохозяйственного производства. Рост цен на землю под строительство в городах подтверждал рост продуктивности промышленного производства и торговли.

Более рационально и эффективно велось производство на помещичьих, а не крестьянских землях.

янских землях. о чем говорит динамика урожайности зерновых. «На крестьянских землях урожайность в 1861–1870 гг. по 50 губерниям составила в среднем за год 29 пудов, в 1871–1880 гг. – 31, в 1881–1890 гг. – 34, в 1891–1900 гг. – 39 пудов. На помещичьих землях в 1861–1870 гг. урожайность в среднем за год составляла 33 пуда, в 1871–1880 гг. – 37, в 1881–1890 гг. – 42, в 1891–1900 гг. – 47 пудов» [3. С. 66]. Те же тенденции наблюдались в животноводстве, например, при сравнении удоев на корову в год. «Удой в помещичьих хозяйствах в расчете на корову в год составляли около 875 л, а в среднем по стране – значительно меньше (330 л)» [3. С. 74].

Несмотря на уравнительность общинных отношений в деревне, реформа 1861 г. интенсифицировала дифференциацию крестьян по имуществу и доходам. «Около половины наделной земли находилось в руках 2,1 млн дворов наиболее зажиточных групп крестьянства, имевших по 15 десятин и более. Хотя главная часть наделной земли в этот период времени использовалась по принципу общинного землепользования (из 136,9 млн десятин на общинное землепользование приходилось 114,1 млн), община далеко не гарантировала уравнительность в землепользовании. Расслоение крестьянства происходило и внутри общины. В 1893 г. процент безземельных дворов равнялся 7; процент же безлошадных крестьянских дворов по 50 губерниям Европейской России в 1899–1901 гг. составлял 29,3. Скот распределялся между крестьянскими хозяйствами еще более неравномерно, чем наделная земля» [3. С. 206].

Следствием развития рынка, роста населения и высоких налогов крестьян стало аграрное перенаселение: «...в 1900 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось около 23 млн «избыточных» жителей деревни» [3. С. 55]. Демографический взрыв способствовал росту крестьянских семей, что вело к естественному дроблению (парцеляризации) крестьянских хозяйств. «Землевладение у крестьян все уменьшалось: на одну душу мужского пола в 1860 г. приходилось 4,83 десятины, в 1880 г. – 3,55 и в 1900 г. – 2,59 десятины (не считая 0,46 десятины кунчей)» [3. С. 76]. Эта тенденция ухудшала условия жиз-

недеятельности мелких и средних крестьянских хозяйств. Эффективность труда в крестьянских парцеллах была низкой, применение капитала и рационализация производства – ограничены, не мог срабатывать эффект роста продуктивности хозяйства на масштабе производства. Преобладала потребительская ориентация крестьянских хозяйств, которые находились на грани физического выживания. В зависимости от плодородия и месторасположения земли для поддержания прожиточного минимума крестьянам требовались наделы в 7–8 десятин на душу. Рост аграрного перенаселения, высокие налоги и низкий уровень производительности использования факторов производства ограничивали рост доходов крестьянских хозяйств.

«Подсчитано, что в 1900 г. крестьянин покрывал за счет хлебопашества лишь от четверти до половины своих потребностей; остальное ему нужно было зарабатывать каким-то иным способом. Самым простым выходом было пойти в батраки либо взять землю в аренду и работать исполу или расплачиваться за нее отработками. В последнем случае он возвращался в полукрепостное состояние. В 1905 г. крестьяне Европейской части России владели (главным образом, общинно) 160 миллионами десятин и брали в аренду еще 20–25 миллионов, оставляя в частных некрестьянских руках лишь 40–50 миллионов десятин пашни (в дополнение к этому государство и корона владели 153 миллионами десятин, однако почти вся эта земля была покрыта лесами и не годилась для вспашки; пашня в основном находилась в аренде у крестьян). Но земли им все равно не хватало» [6. С. 221]. Низкая культура агротехники, истощение почв, недостаток денег для покупки техники, удобрений, урожайных сортов семян, консервативные традиции крестьян к экстенсивному расширению незанятых площадей земли были причинами низкой эффективности использования земли. При низком уровне производительности сельскохозяйственного труда и высоких темпах роста населения у крестьян складывалось ложное представление о том, что все их проблемы заключаются в недостатке пахотной земли. Так вызревала великая иллюзия, которая однажды подвигла российское крестьянство на неотвратимые по своим катастрофическим последствиям перемены. В результате антикапитали-

стической революции в октябре 1917 г. крестьяне равным счетом ничего для себя не приобрели, а во время осуществления сплошной коллективизации все потеряли безвозвратно. Аграрная проблема не разрешается конфискацией земли у помещиков и государства и «справедливым» ее переделом по едокам. Это стало очевидным, к сожалению, только постфактум.

Смысл развития капиталистической системы воспроизводства в сельском хозяйстве состоит в объективной тенденции к укрупнению частных владений, что выражается в росте продуктивности использования факторов производства. Это ведет к интенсивной имущественной дифференциации по доходам и имуществу, которые концентрируются в крупных хозяйствах, имеющих мощные стимулы к использованию новой техники и агрикультуры. Рост эффективности и высокой товарности сельскохозяйственного производства требует применения значительных размеров капитала, земли, наемного труда, предпринимательского таланта, что имеет значительные преимущества перед мелким и средним производством на селе.

Многие неразрешимые проблемы, которые имели русские крестьяне, обуславливались их специфическим менталитетом: он заключался в традиционно некоммерческом отношении к земле, что вело к воспроизводству застойного типа земледелия, тормозившего эффективный ответ на вызов индустриализации. Самообеспечивающее мелкое и среднее крестьянское хозяйство, из последних сил державшееся за землю, было тормозом развития капиталистических отношений на селе. Крестьянин с его общинным мировоззрением подозрительно относился к частной собственности, которая воспринималась им, как и всем российским обществом, как нечто имеющее происхождение от лукавого. Частная собственность считалась символом нечестности и прохиндейства. Внеэкономическое происхождение частной собственности феодалов, ее концентрация в руках знатных и богатых дворян, приближенных к императорской власти, объективно сформировала очень тесную «интимную» связь между частной собственностью и структурами властной иерархии. Именно в этом лежал секрет могущества и богатства, которым владели в России не-

многие избранные. Эти объективные обстоятельства сформировали у русского человека жесткую установку на то, что «частная собственность воспринималась как корыстная льгота для немногих, а не как коренное право человека, и которая, более того, приобреталась за счет миллионов бесправных людей. ... Широко было распространено мнение, что она противостоит и свободе, и социальной справедливости» [8. С. 257–258]. Поэтому крестьяне являлись радикалами, близко стоявшими к идеям марксизма и социализма. Крестьянский погром помещиков, кулаков и капиталистов в 1917–1920 гг. был мировоззренчески подготовлен многими веками российской истории.

Наличие избыточного аграрного населения стало источником резервной армии труда для растущей индустрии страны. Вместе с тем при нерешенности крестьянских проблем «лишние» люди составляли взрывоопасный материал для русской социальной антикапиталистической революции, направленной на реализацию вековых устремлений крестьян к «черному переделу». Однако реализация большевиками по тактическим соображениям народническо-эсеровской программы «справедливого» дележа земли по едокам в 1917–1920 гг. не разрешила никаких проблем крестьянства. Более того, после революции размер земельных участков на крестьянскую душу стал еще меньше, а производительность использования факторов упала. Страна после «справедливого черного передела» превратилась в мелкокрестьянское общество, что стало главным «достижением» и социально значимым результатом Октябрьской революции. Это ясно осознавал И.В. Сталин, когда в 1927 г. он очень логично обосновал объективную необходимость политики ускоренной и сплошной коллективизации сельского хозяйства. В октябре 1917 г. крестьяне под руководством большевиков разгромили крупное помещичье и кулацкое хозяйство, дававшее подавляющую часть товарного хлеба на рынок. Помещики потеряли всю свою землю. В период антикапиталистической крестьянской революции из 80 млн га земли «у кулаков было отнято и передано беднякам и середнякам 50 млн га. Это существенно подорвало кулачество, его численность сократилась втрое» [16. С. 129].

И.В. Сталин констатировал, что «до войны мы имели 15-16 млн индивидуальных крестьянских хозяйств, а теперь мы имеем 24-25 млн крестьянских хозяйств, – уже одно это говорит о том, что основной базой нашего сельского хозяйства является теперь мелкое крестьянское хозяйство, дающее минимум товарного хлеба» [17. С. 84]. И.В. Сталин справедливо задается вопросом: «В самом деле, разве это не факт, что мы уже достигли довоенных норм посевных площадей? Да, факт. Разве это не факт, что валовая продукция хлеба уже в прошлом году (1926 г. – У.В.Н.) равнялась довоенной норме производства, т. е. доходила до 5 млрд пудов хлеба? Да, факт. Чем объяснить в таком случае, что, несмотря на эти обстоятельства, мы производим товарного хлеба вдвое меньше, а вывозим за границу в двадцать раз меньше, чем в довоенное время?» [17. С. 83-84]. Товарность единоличного крестьянского хозяйства в СССР составляла 12%, а товарность дореволюционного зернового производства России – 26% [17. С. 622]. Эти объективные результаты Октября были достигнуты благодаря реализации вековой мечты о «чершом» переделе, за что упорно и настойчиво боролись крестьяне, совершенно искренне идя по пути реализации бессмысленных и лживых идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боровой С.Я.* Кредит и банки (середина XVII в. – 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958.
2. *Судьбы России.* Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб.: Лики России, 1999.
3. *Хромов П.А.* Экономическая история СССР: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1982.
4. *Гундин И.Ф.* Русские коммерческие банки. М.: Госфиниздат, 1948.
5. *История СССР (XIX–XX вв.): учебник /* Под ред. И.А. Федосова. М.: Высшая школа, 1981.
6. *Пайнс Ричард.* Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993.
7. *Гундин И.Ф.* Госбанк и экономическая политика царского правительства. М.: Госфиниздат, 1960.
8. *Пайнс Ричард.* Собственность и свобода. М.: МШПИ, 2000.
9. *Гундин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX–начало XX в.). М.: Наука, 1997.
10. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1990.
11. *Россия: Энциклопедический словарь /* Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. Л.: Лениздат, 1991.
12. *История СССР с древнейших времен и до наших дней.* В 12 т. Т. V. М.: Наука, 1968.
13. *Россия 1913 год: статистико-документальный справочник.* СПб.: «БЛИЦ», 1995.
14. *Каценеленбаум Э.С.* Война и финансово-экономическое положение России. М.: 1917.
15. *Экономическая история СССР.* Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Мысль, 1967.
16. *Шмелев Г.И.* Коллективизация // *Истоки.* Вып. 1. М.: Экономика, 1989.
17. *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Политическая литература, 1952.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.

BSEU Belarus State Economic University. Library.
<http://www.bseu.by> elib@bseu.by